

УДК 343.8

DOI 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).1.012-020

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ СКИБА,

доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: apskiba@mail.ru;

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КОВШ,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры американских исследований,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: avkovsh@mail.ru;

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА МЯХАНОВА,

доцент кафедры уголовного права и криминологии,
Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация,
e-mail: alex27-m@mail.ru

ИСПОЛНЕНИЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ ТЕХНОГЕННОГО ХАРАКТЕРА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Для цитирования

Скиба, А. П. Исполнение уголовных наказаний при чрезвычайных ситуациях техногенного характера: некоторые проблемы регулирования / А. П. Скиба, А. В. Ковш, А. Н. Мяханова // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 1. – С. 12–20. – DOI : 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).1.012-020.

Аннотация. В статье с учетом анализа законодательства (Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, федеральные конституционные законы «О военном положении», «О чрезвычайном положении» и другие нормативные правовые акты) выявляется ряд недостатков регулирования исполнения уголовных наказаний при чрезвычайных ситуациях техногенного характера (радиационные аварии и прочие). Анализируется режим особых условий, устанавливаемый в исправительных учреждениях в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения, возникновения иных экстремальных ситуаций. Формулируется ряд рекомендаций теоретико-правового характера для совершенствования исполнения различных уголовных наказаний при чрезвычайных ситуациях техногенного характера.

© Скиба А. П., Ковш А. В., Мяханова А. Н., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: уголовные наказания, режим особых условий в исправительных учреждениях, чрезвычайные ситуации техногенного характера, радиационные аварии, чрезвычайное положение, уголовно-исполнительное законодательство чрезвычайного времени.

В настоящее время Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ) и иные нормативные правовые акты в сфере исполнения уголовных наказаний в целом ориентированы на достижение целей уголовно-исполнительного законодательства (согласно ст. 1 УИК РФ ими являются исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений) в обычное время, не осложненное какими-либо чрезвычайными ситуациями техногенного или природного характера, военно-политическими происшествиями и иными экстремальными событиями. Лишь режим особых условий в исправительных учреждениях (ИУ) учитывает возможность возникновения, в частности, чрезвычайных ситуаций техногенного характера: в соответствии со ст. 85 УИК РФ он устанавливается в случаях стихийного бедствия, введения в районе расположения ИУ чрезвычайного или военного положения, при массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осужденных к лишению свободы. Введение данного режима в ИУ подразумевает возможность приостановления осуществления некоторых прав осужденных, установления усиленного варианта охраны и надзора, изменения распорядка дня, ограничения деятельности производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных и иных служб, за исключением медико-санитарных, и т. п. [1, с. 28–30; 2, с. 51–55; 3].

Однако положения ст. 85 УИК РФ являются расплывчатыми, недостаточно учитывающими особенности различных оснований введения режима особых условий (например, чрезвычайного положения или стихийного бедствия либо массовых беспорядков осужденных к лишению свободы) и требуют дальнейшей законодательной конкретизации правового положения как осужденных, так и сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС). Укажем несколько направлений законодательного регулирования данного правового института.

Во-первых, в таких условиях вряд ли будет обоснованным ограничение некоторых прав осужденных, ввиду чего они не смогут поддерживать связь с близкими родственниками и т. п. Федеральный конституционный закон (далее – ФКЗ) «О чрезвычайном положении» (ст. 13 и др.) и ФКЗ «О военном положении» (ст. 7) предусматривают применение таких мер, как временное отселение жителей в безопасные районы, запрещение или ограничение выбора места пребывания либо места жительства, что непосредственно может затрагивать любые категории населения. Отсутствие же информации у осужденных о жизни и здоровье близких родственников, особенно на протяжении длительного времени, может отрицательно влиять в целом на оперативную обстановку в ИУ. Кроме того, запрет на просмотр кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач также будет затруднять получение осужденными объективной информации о чрезвычайной или военной ситуации. Возможно, в данном случае будет правильнее говорить об усилении цензуры в ИУ, а не о запрете реализации некоторых прав осужденных.

Во-вторых, производственная деятельность ИУ должна быть не ограничена, как записано в ч. 2 ст. 85 УИК РФ, а, вернее, реорганизована. Возможно, потребуются изменения ассортимента выпускаемой продукции, необходимость привлечения осужденных к работам вне территории ИУ и т. п. В связи с этим логичным видится введение в ч. 2 ст. 85 УИК РФ ограничения таких прав осужденных, как: предоставление ежегодного

оплачиваемого отпуска, возможность привлечения без оплаты труда только к выполнению работ по благоустройству ИУ и прилегающих к ним территорий и т. п. В противном случае задачи военно-чрезвычайного характера, к выполнению которых привлекаются осужденные, могут быть не выполнены.

В-третьих, необходимо предусмотреть усиление оперативно-розыскного и иного режимного обеспечения безопасности осужденных, особенно граждан иностранного государства, воюющего с РФ. В связи с этим корректировке подлежит и в целом институт обеспечения личной безопасности осужденных.

Таким образом, нормы ч. 2 ст. 85 УИК РФ недостаточно учитывают специфику чрезвычайного и военного положения, а в случае, в частности, введения чрезвычайного положения или наступления стихийного бедствия организация исполнения различных уголовных наказаний (а не только лишения свободы) требует существенной корректировки. Кроме того, в УИК РФ отсутствуют нормы об особенностях правового положения осужденных и администраций учреждений и органов при исполнении иных уголовных наказаний, кроме лишения свободы, при возникновении рассматриваемых экстремальных ситуаций.

Вместе с тем при отбывании принудительных работ и ареста осужденные также будут находиться под контролем администраций соответственно исправительных центров и арестных домов (когда они будут функционировать), но ничего о введении в этих учреждениях режима особых условий в УИК РФ не говорится.

В юридической литературе [4, с. 201–203; 5] устоявшимся является мнение о том, что необходимо формирование уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения, что обусловлено многими факторами: ухудшением военно-политической обстановки в приграничных с Россией территориях, существованием террористических угроз, возникновением чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и пр., причем на территории не только России, но и сопредельных государств.

Отчасти логически уголовно-исполнительное законодательство в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения может базироваться на положении ст. 331 УК РФ о том, что уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством РФ военного времени. Более того, федеральные законы и иные нормативные правовые акты, регулирующие применение соответствующих мер, могут быть приняты как в период действия военного положения, так и до его введения (ст. 7 ФКЗ «О военном положении»). Получается, что еще до введения военного положения могут быть изданы нормативные правовые акты, закрепляющие возможность введения соответствующих правоограничений в отношении различных категорий лиц, в том числе осужденных.

Представляется, что нормы, касающиеся особенностей исполнения уголовных наказаний в условиях чрезвычайного или военного положения, должны быть в общих чертах закреплены на законодательном уровне (в частности, в УИК РФ), хотя бы ввиду того, что для нейтрализации различных угроз существенно изменяется правовое положение как осужденных, так и сотрудников администраций учреждений и органов, исполняющих наказания.

Особо выделяются внутренние и внешние военные опасности, прописанные в Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976, которые могут существенно влиять на исполнение уголовных наказаний.

Однако в данном случае вряд ли обоснованно говорить о сугубо военных аспектах уголовно-исполнительной деятельности, так как эти опасности разнообразны, имеют техногенный, природный и иной характер.

Среди внешних опасностей согласно п. 12 Военной доктрины РФ можно выделить следующие: наличие (возникновение) очагов и эскалация вооруженных конфликтов на территориях государств, сопредельных с РФ и ее союзниками; реальная угроза проведения терактов с применением радиоактивных и токсичных химических веществ; деятельность международных вооруженных радикальных группировок, иностранных частных военных компаний в районах, прилегающих к государственной границе РФ и границам ее союзников, а также наличие территориальных противоречий и т. п. В этой части, например, следует обратить внимание на ситуацию, описанную в Белой книге нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине (июль – ноябрь 2014), согласно которой артиллерийский обстрел украинской армией Горловки (Донецкая область) и, в частности, химического завода «Стирол» мог привести к экологической катастрофе, к утечке «кровного яда» – мононитрохлорбензола, радиус минимального поражения которого составляет не менее 300 километров, с подвержением смертельному риску жителей Украины, Белоруссии и России [6, с. 90]. Среди внутренних опасностей – деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя РФ, дезорганизацию функционирования органов государственной власти, важных государственных, военных объектов и информационной инфраструктуры РФ и т. п. (п. 13 Военной доктрины РФ). Задачи, которые ставятся в этих случаях перед Вооруженными Силами, другими войсками и органами в мирное время, также разнообразны: участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности; участие в ликвидации чрезвычайных ситуаций; участие в обеспечении режима чрезвычайного положения и т. д. (п. 32 Военной доктрины РФ).

Основания введения чрезвычайного или военного положения отчасти обусловлены внешними и внутренними опасностями, указанными в Военной доктрине РФ. Так, основанием введения военного положения на территории РФ или в отдельных ее местностях является агрессия против РФ или непосредственная угроза агрессии (ч. 1 ст. 3 ФКЗ «О военном положении»), а чрезвычайного положения по ст. 3 ФКЗ «О чрезвычайном положении» – при наличии обстоятельств, которые представляют собой непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю РФ (попытки насильственного изменения конституционного строя РФ, захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж; чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий и т. п.).

Таким образом, подготовка уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения должна осуществляться и в контексте реализации Военной доктрины РФ и в целом быть в большей степени ориентированной на решение новых военно-политических, техногенных и иных проблем, возникающих перед нашей страной. В этом случае в мирное и нечрезвычайное время цели уголовно-исполнительного законодательства, предусмотренные в ч. 1 ст. 1 УИК РФ, – исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами – будут дополняться теми, для достижения которых вводится чрезвычайное или военное положение, в соответствии со ст. 2 ФКЗ «О чрезвычайном положении» и ч. 2 ст. 1 ФКЗ «О военном положении».

Согласно ч. 1 ст. 1 ФКЗ «О чрезвычайном положении» чрезвычайное положение означает вводимый в соответствии с Конституцией РФ и данным ФКЗ на всей территории РФ или в ее отдельных местностях особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, допускающий установленные данным Законом отдельные ограничения прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей.

Обстоятельства введения чрезвычайного положения в соответствии со ст. 3 ФКЗ «О чрезвычайном положении» различны: во-первых, это попытки насильственного изменения конституционного строя РФ, захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей и т. п.; во-вторых, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий. В этом нормативно-правовом акте ничего не говорится об особенностях исполнения уголовных наказаний в такие периоды, лишь предусматривается, что в случае введения чрезвычайного положения может быть продлен срок содержания под стражей лиц, задержанных по подозрению в совершении актов терроризма и других особо тяжких преступлений, на весь период действия чрезвычайного положения, но не более чем на три месяца (ст. 12), а сотрудники УИС могут привлекаться для обеспечения режима чрезвычайного положения, в том числе к выполнению задач по охране объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения, объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, по участию в пресечении деятельности незаконных вооруженных формирований или в ликвидации чрезвычайных ситуаций и спасении жизни людей (ст. 16, 17 и др.).

Будет затруднено исполнение и иных уголовных наказаний ввиду положений ст. 7 ФКЗ «О военном положении», которые могут непосредственно распространяться на большинство «гражданских» осужденных. Так, возможно запрещение или ограничение выбора места пребывания либо места жительства, временное отселение жителей в безопасные районы, привлечение граждан к выполнению работ для нужд обороны, восстановлению поврежденных (разрушенных) объектов экономики, систем жизнеобеспечения и военных объектов, к участию в борьбе с пожарами, эпидемиями и эпизоотиями и т. п. В ФКЗ «О чрезвычайном положении» (ст. 11–13 и др.) предусмотрены похожие и иные правоограничения: временное отселение жителей в безопасные районы; ограничения на свободу передвижения; введение карантина; выдворение лиц, нарушающих режим чрезвычайного положения, и пр.

Применение вышеуказанных законодательных положений может сделать практически невозможным исполнение уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы. В этом контексте уже имеется ст. 50 УИК РФ, которая устанавливает, что невозможность дальнейшего нахождения осужденного по месту постоянного проживания (пребывания) в связи со стихийным бедствием или иным чрезвычайным обстоятельством является основанием для дачи уголовно-исполнительной инспекцией согласия, во-первых, на его уход из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, на посещение определенных мест, расположенных в пределах территории соответствующего муниципального образования, либо на выезд за пределы территории

соответствующего муниципального образования (ч. 4) либо, во-вторых, на изменение места постоянного проживания или пребывания (ч. 5). Однако указанная норма уголовно-исполнительного закона не распространяется на исполнение иных уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, – штрафа, обязательных работ, исправительных работ и др.

При формировании уголовно-исполнительного законодательства чрезвычайного времени – составной части уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения – следует учитывать необходимость изменения подавляющего большинства пенологических институтов, применяемых в нечрезвычайное время. Так, при исполнении лишения свободы актуальной, помимо прочего, будет являться системная корректировка правового положения осужденных (в частности, прав на охрану здоровья, на личную безопасность др.) и исправительно-профилактического воздействия в отношении их со стороны администрации ИУ (обеспечение изоляции, безопасный перевод в другие ИУ и т. п.).

Кроме того, при наступлении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, чрезвычайных экологических и других ситуаций актуальным может быть введение межотраслевого института в виде приостановления исполнения как лишения свободы, так и иных наказаний (исправительные работы и др.), а также создание надлежащей правовой основы для стимулирования привлечения осужденных к участию в ликвидации чрезвычайных ситуаций, в том числе путем досрочного освобождения от отбывания наказания (условно-досрочно и т. д.).

Например, две исправительные колонии строгого режима (каждая численностью свыше 2000 осужденных) находятся в жилом микрорайоне г. Улан-Удэ и рядом с ним в лесном массиве. Между тем этот регион имеет повышенную сейсмоактивность и характеризуется большим количеством лесных пожаров в летнее время, что создает дополнительные угрозы для вышеуказанных и иных ИУ. Так, в конце 2008 г. имело место 3–4-балльное землетрясение с эпицентром недалеко от ИУ в поселке Выдрино, что повлекло за собой разрушения недвижимых объектов в данном населенном пункте.

Необходимо также учитывать, что чрезвычайные ситуации техногенного, особенно радиационного, характера имеют повышенную опасность, а их негативные последствия (радиационное заражение и пр.) распространяются на значительные территории, что непосредственно влияет на деятельность всех государственных учреждений и органов нашей страны и сопредельных государств [7].

В частности, до 2018 г. на территории КНДР на расстоянии всего около 200 км до границы с РФ функционировал ядерный испытательный полигон Пхунгери (풍계리), который являлся важным звеном ядерной программы Северной Кореи. В 2006, 2009, 2013, 2016 и 2017 гг. КНДР проводила на этом полигоне последовательно испытания взрывных ядерных устройств. При этом отказ КНДР от его дальнейшего использования был связан не столько с решением руководства Северной Кореи свернуть ядерную программу, сколько с аварией на полигоне, когда после очередного испытания термоядерного взрывного устройства на горе Мантап начались оползни, вследствие чего часть подземной инфраструктуры полигона была разрушена.

Следует учитывать, что радиационные аварии (достаточно вспомнить ситуацию на Чернобыльской атомной электростанции) могут повлечь за собой разрушения зданий и иных объектов, а также другие негативные последствия (повышение радиационного фона, делающего невозможным нахождение лиц, в том числе осужденных, в

определенных местностях, и т. п.). Например, вследствие первой в Советском Союзе техногенной катастрофы 29 сентября 1957 г. на химкомбинате «Маяк», которая позднее стала известна как Кыштымская авария, в той или иной степени была заражена огромная территория – так называемый Восточно-Уральский радиоактивный след, общая протяженность которой в длину составила более 300 км и ширину до 10 км; по самым скромным подсчетам, в зоне радиоактивного заражения оказалось более 300 тыс. человек.

На территории России ряд ИУ нередко находится в непосредственной близости от атомных объектов (в частности, Балаковской, Волгодонской, Ленинградской, Калининской и иных атомных электростанций), что требует подготовки различных организационно-правовых мер по минимизации ущерба, который может быть причинен в случае радиационной аварии. Кроме того, негативные последствия радиационных аварий не нейтрализуются в течение короткого времени, что требует существенного изменения деятельности на зараженных и сопредельных территориях всех государственных структур, включая учреждения и органы, исполняющие наказания. Это связано с возможным отселением осужденных, переводом их в другие места отбывания наказания, изменением объема их правоограничений и т. п.

С теоретической точки зрения при формулировании различных способов нейтрализации (хотя бы частичной) негативных последствий чрезвычайных ситуаций техногенного, в том числе радиационного, характера в контексте исполнения уголовных наказаний представляет интерес теория мер безопасности [8; 9, с. 51–58; 10; 11, с. 100–105], в целом направленных на предупреждение преступлений и иных правонарушений (нередко предшествующих первым), а также на обеспечение нормального функционирования государственных органов, в том числе занимающихся уголовно-исполнительной деятельностью.

В УИК РФ четко не прописаны меры по предупреждению совершения преступлений и не закреплен перечень потенциальных правонарушителей, в отношении которых эти меры должны применяться. С учетом многообразия потенциальных субъектов, которые могут совершать преступления и нередко предшествующие им правонарушения (осужденные, их родственники, сотрудники учреждений и органов, исполняющих наказания, и пр.), профилактические меры должны быть разнообразны и учитывать особенности каждой из вышеуказанных групп [12, с. 20–23; 13, с. 102–106; 14, с. 57–63]. Представляется, что логично было бы наиболее значимые меры безопасности, ориентированные на предупреждение преступлений (особенно на территории учреждений, исполняющих наказания), четко закрепить в уголовно-исполнительном законодательстве.

Между тем законодательное регулирование (особенно уголовно-исполнительное) мер безопасности при исполнении уголовных наказаний в настоящее время недостаточное, что негативно сказывается на эффективности исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений. Так, в УИК РФ прямо о мерах безопасности говорится в ст. 86, где к ним отнесено применение физической силы, специальных средств и оружия. В то же время основания для их применения не в полной мере соответствуют тем, которые указаны в Законе РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (ст. 30 и др.) [15]. Получается, что даже имеющиеся уголовно-исполнительные нормы, регулирующие применение специальных средств как мер безопасности, требуют корректировки для обеспечения единообразного подхода в их реализации.

Согласно ст. 85 УИК РФ применение меры безопасности в виде режима особых условий (подобная трактовка юридической природы данного правового института не является окончательной и может быть пересмотрена) должно быть всесторонне регламентировано на законодательном уровне с целью обеспечения нормального продолжения функционирования учреждений и органов, исполняющих наказания (ИУ, исправительные центры, уголовно-исполнительные инспекции и т. д.), и в целом исполнения уголовных наказаний при возникновении чрезвычайных ситуаций техногенного, в том числе радиационного, характера. В этом случае меры безопасности будут более ориентированы не только на предупреждение (пред-)преступного поведения осужденных и иных лиц, но и на нейтрализацию других обстоятельств, угрожающих нормальному функционированию учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Таким образом, очевидна необходимость теоретико-правового совершенствования исполнения различных уголовных наказаний при чрезвычайных ситуациях техногенного, в том числе радиационного, характера.

Библиографический список

1. Глушков А. И. Зарубежный опыт регламентации деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях чрезвычайных ситуаций // *Международное публичное и частное право*. 2013. № 3. С. 28–30.
2. Скиба А. П. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, чрезвычайного или военного положения: постановка проблемы // *Международный пенитенциарный журнал*. 2017. № 1. С. 51–55.
3. Фефелов В. В. Режим особых условий как элемент обеспечения безопасности в исправительном учреждении. Уфа : Восточный университет, 2005. 139 с.
4. Детков А. П. Рецензия на монографию «Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения» под общей редакцией доктора юридических наук, профессора А. А. Крымова и научной редакцией доктора юридических наук, доцента А. П. Скибы // *Уголовно-исполнительное право*. 2019. Т. 14(1–4), № 2. С. 201–203.
5. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : монография / под общ. ред. А. А. Крымова ; науч. ред. А. П. Скибы. 2-е изд., испр. и доп. М. : Криминол. б-ка, 2018. 295 с.
6. Белая книга нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине (июль – ноябрь 2014). М. : МИД России, 2014. 106 с.
7. Ковш А. В. Становление ядерной и ракетной программ КНДР и их влияние на безопасность в азиатско-тихоокеанском регионе : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 21 с.
8. Щедрин Н. В. Меры безопасности как средство предупреждения преступности : дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2001. 348 с.
9. Келина С. Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // *Государство и право*. 2007. № 6. С. 51–58.
10. Скиба А. П. Меры безопасности при досрочном освобождении от отбывания наказания лиц, имеющих заболевания : монография / под общ. ред. А. Я. Гришко, Ю. А. Кашубы. Рязань : Академия ФСИН России, 2012. 209 с.
11. Скиба А. П. Применение мер безопасности в контексте исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2015. № 1. С. 100–105.

12. Горяинов К. К., Баранова Е. А. Факторы оперативно-розыскного предупреждения преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 4(24). С. 20–23.

13. Орлов В. Н. Специальное (частное) предупреждение преступлений как цель уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2007. № 1. С. 102–106.

14. Эрхитуева Т. И., Щербаков Г. В., Мяханова А. Н., Дондокова М. Ю. Значение условного осуждения и условно-досрочного освобождения для достижения целей наказания // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26(1–4), № 1. С. 57–63.

15. Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий) : монография / под общ. ред. А. А. Крымова ; науч. ред. А. П. Скибы. 3-е изд., испр. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 477 с.